

Т.С. ЕРЕМИНА

МИР ИКОНОПИСЦЕВ

История, предания

1370951

МОСКВА
ТЕРРА – КНИЖНЫЙ КЛУБ
2005

ДИОНИСИЙ ГЛУШИЦКИЙ

Среди собрания древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи есть небольшая иконка XV века с изображением преподобного Кирилла Белозерского, канонизированного к общерусскому почитанию вскоре после его кончины в 1427 году¹. Собеседник и духовный преемник святого Сергия Радонежского, «игумена земли русской», основатель Кирилло-Белозерского монастыря, преподобный уже при жизни заслужил почитание не только своих собратьев по иноческим подвигам, но и знатных мирских людей, князей и бояр. Сохранились нравоучительные послания старца к великому князю Василию, сыну Димитрия Донского, к князьям Юрию Галицкому и Андрею Можайскому. Эти послания говорят о том, что игумен северного монастыря имел значительное влияние на князей, а те с большим уважением относились к святому угоднику.

«Величайший из подражателей преподобного Сергия»², белозерский игумен пользовался исключительным почитанием, и уже в XV веке появилось множество икон, больших и малых, часто — со многими клеймами, по которым можно было «прочитать» житие святого. Однако та небольшая иконка, о которой идет речь, особого характера. На почти квадратной доске размерами без добавленных планок 24×23,5 см преподобный Кирилл представлен в рост, и рядом с ним нет никаких других изображений, которые отрывали бы взгляд от фигуры старого игумена. Сохранилась дата создания иконы: это 1424 год, когда преподобному старцу было уже семьдесят шесть лет³.

Данное изображение трудно назвать иконой. Скорее это одни из первых портретов в русской средневековой живописи. На более поздних иконах Кирилл Белозерский изображен в соответствии с традициями иконной живописи: у него благообразный, чуть удлинённый лик, тонкий продолговатый нос, правильные черты. Облик преподобного настолько условен, что его издалика можно спутать с Сергием Радонежским или Димитрием Прилуцким.

Изображение на маленькой доске, написанное при жизни белозерского игумена, настолько индивидуально, что его невозможно спутать ни с каким другим. Это конкретный образ

конкретного человека: согнутого годами и трудной монастырской жизнью старца. Он небольшого роста, суховат, с крупной головой и славянскими чертами лица. Особенно бросается в глаза высокий открытый лоб и добрый взгляд, за которым ощущаешь мудрость и достоинство. Хочется узнать о сем старце побольше, понять, как удавалось ему уже в преклонном возрасте тридцать лет игуменствовать в созданном им же монастыре, как добивался он беспрекословного послушания братии и огромного почитания сильных мира сего.

В житии святого, составленном Пахомием Сербом по свежим воспоминаниям, непосредственно после смерти святого, говорится, что в миру Кирилл звался Кузьмою и в молодости служил в доме своего родственника боярина Тимофея Вельяминова⁴. Думая о том, чтобы уйти от мирской жизни, Кузьма долгое время не мог найти игумена, который решился бы совершить иноческое пострижение его: все знали крутой нрав родственника боярина.

Лишь преподобный Стефан Махрицкий, будучи по делам в Москве, пошел навстречу Кузьме, облек его в рясу и испытал на себе гнев его хозяина, который «начал яростно нелепыми словами игумену Стефану досаждать»⁵.

Сам Стефан Махрицкий был родом из Киева. В тридцати верстах от Троице-Сергиевого монастыря он основал Троицкую обитель, но был изгнан землевладельцем. Стефан ушел на реку Авнежу, основал там новый монастырь в честь Пресвятой Троицы, но Дмитрий Донской вернул его в Махрище, где святой и скончался.

Преподобный Сергей и Стефан посещали друг друга в своих обителях, вели духовные беседы, поддерживали друг друга в подвиге пустынножительства. Именно у Стефана жил некоторое время Сергей, когда тихо ушел из своего монастыря, чтобы затем основать пустынь на Киржаче.

После духовного благословения преподобного Степана Махрицкого новый постриженник под именем Кирилла стал иноком Симонова монастыря, где игуменствовал Феодор. Кирилл раздал все свое имущество бедным, а сам стал вести жизнь монастырского затворника, распределяя свое время между дневными службами и длинными всенощными стояниями, строго соблюдая монастырский устав, заглушая телесный бунт длинными постами и усиленными молитвами.

Бывая в Симоновом монастыре, преподобный Сергей отметил нового инока, подвизавшегося то в хлебне, то в повар-

не, неоднократно заходил к нему в келью и беседовал «о пользе душевной». Иногда к ним присоединялся и архимандрит Феодор.

Преподобный Кирилл изнурял свое тело, возвышая дух, даже юродствовал одно время, «возлюбив бесчестие больше чести». Архимандрит налагал на него епитимью. Совершая по воле настоятеля строгий пост, вкушая в течение шести месяцев хлеб и воду, Кирилл только радовался духом этому невольному умертвлению плоти. Но его притворное юродство было разгадано, и архимандрит перестал налагать наказания на этого инока, ищущего их.

Кирилл задумал безмолвствовать. Его посадили в отдельную келью переписывать церковные книги, ибо он хорошо умел писать. Безмолвие в одинокой келье за служебными книгами, долгие молитвы, ночи без сна в коленопреклонении и пении псалмов не принесли Кириллу внутреннего успокоения. Он по-прежнему жаждал больших подвигов во славу Божию.

Снова работа на поварне, иноческое служение «во многих трудах и злостраданиях», и через девять лет такого бытия рукоположение в священники. После того, как архимандрит Симонова монастыря Феодор был избран архиереем на престол Ростовской архиепископии, на его место в обители возвели настоятелем старца Кирилла.

Но через некоторое время Кирилл, даже поставленный в игумены, оставил настоятельство, ушел в прежнюю келью и затворился в ней, чтобы начать безмолвствовать.

Из различных городов и сел приходили к нему люди, духовные и мирские, что вызвало зависть у вновь назначенного монастырского архимандрита. Преподобный Кирилл, узнав об этом, ушел в монастырь Рождества Богородицы, который был в Старом Симонове, и думал о том, чтобы удалиться в пустынь.

Долгими ночами обращался он в молитвах к Пресвятой Богородице: «Сама ты наставь меня, покажи мне путь, которым пойду». И вот однажды ночью, когда Кирилл по обычаю пел акафист Деве Марии, вдруг услышал он голос Пречистой Богоматери, которая повелевала ему идти на Белое озеро. Преподобный отворил оконце кельи и увидел на севере, там, где Белое озеро, великий свет и узрел внутренним взором то место, которое назначала ему Богородица.

Вместе со своим духовным братом, иноком Симонова монастыря Ферапонтом, ушел Кирилл из обители, и через много дней достигли они Белого озера.

Шестидесятилетний старец, каким был к тому времени Кирилл, обошел с Ферапонтом немало мест, пока в одном из них не узнал то, что было показано ему Богородицей.

Кирилл остался на этом «зело красном» месте, а Ферапонт, пробыв недолго с ним, ушел и устроил свою обитель в пятнадцати верстах от Кирилловой.

Много опасностей подстерегало преподобного старца в его одиноком житье. Однажды его сонного чуть не задавило огромным деревом, после чего он стал бодрствовать и ночью, проводя целые сутки без сна: ночью на молитве, днем — в работе на земле. Другой раз, собрав много хвороста, Кирилл зажег его, но ветер был такой большой, что разыгрался лесной пожар, и пустынный только чудом выбрался из огня невредимым.

Как и вокруг преподобного Сергия, стали собираться вокруг Кирилла иноки и окрестные мужики. Не обошлось и без борьбы за землю, без зависти и злобы: некий боярин подслал разбойников ограбить скит, думая, что Кирилл принес с собой из Москвы большие деньги. Крестьянин-сосед пытался поджечь келью, правда, позже раскаялся и в результате пришел к Кириллу, чтобы тот постриг его в иночество. Церковь в Кирилловом монастыре была освящена во имя Успения Божией Матери, в чем усматривается связь с Москвой и ее Успенским собором — главным храмом Руси. Как и Сергий в Троицкой обители, Кирилл установил в своем монастыре строгое общежитие: совместный труд, совместная собственность и ничего личного. Но, пожалуй, устав в Кирилловом монастыре соблюдался еще строже, чем в других местах: в кельях нельзя было иметь никаких вещей, даже куска хлеба, даже питья.

Ни в церкви, ни в трапезной никаких посторонних разговоров не вели, все совершалось в молчании, и в течение долгих молитв не разрешалось даже прислониться к стене.

Сам Кирилл был очень строг к себе, кроток к обидчикам, носил, как и Сергий, ветхие, много раз чиненные одежды, не позволял монахам ходить к мирянам за милостынею и отклонял все дарственные, предлагаемые ему боярами.

Была у Кирилла особая черта — способность умиляться многому, в том числе и простому куску хлеба, и часто не мог он сдержать слез ни во время божественной литургии, ни во время чтения духовных книг, ни во время бесед с другими людьми. Обладал преподобный и даром прозорливости, словно читал в душе людей, будто видел, кто с какими намерениями приходит в обитель.

Житие повествует о том, как однажды пришел к Кириллу некий брат по имени Феодот и был принят в обитель. Однако «по прошествии некоторого времени вложил ему дьявол ненависть и святому отцу», то есть Кириллу. Долго мучился Феодот, хотел уйти из монастыря и поделился своими мыслями со старцем Игнатием. Тот утешал мятущегося и говорил: «...если помысла своего лукавого послушаешь и уйдешь отсюда, отступишь от спасения своего и врагу радость доставишь».

Так мучился брат Феодот целый год, «борясь с помыслом и не имея покоя». Захотел он рассказать обо всем преподобному Кириллу, но, войдя к нему в келью, «устыдился святолепных седин его», не смог ничего сказать и собрался уходить. Старец остановил его: «Брат Феодот, поскольку ты сам не хочешь исповедать мне помышлений твоих, вот что я скажу тебе...» И рассказал преподобный иноку все то, что тот хранил в тайне. Упал Феодот на пол, просил прощения у святого, а Кирилл утешал его: «Не скорби, брат Феодот, все соблазняются на мой счет, почитая меня добрым. Ты один увидел истину, познав меня, как человека злого и грешного. Кто я такой, грешный и непотребный?»

С этого момента обрел инок Феодот душевный покой и начал испытывать к святому Кириллу еще большую любовь и веру, чем прежде.

Мудрый старец распознавал и тех, кто приходил в монастырь издалека, и сообщал братии о намерении прибывших: «Этот хочет с нами жить, а этот намерен уйти».

Подобно Сергию Радонежскому, преподобный Кирилл Белозерский был наделен способностью творить чудеса: излечил одержимого бесом; а однажды по его молитвам сосуды, в которых иссякло вино, в одно мгновение наполнились снова, чтобы было с чем служить литургию в субботний и воскресные дни; во время страшного пожара в обители, когда казалось, что огонь вот-вот охватит все кругом, по молитвам святого и после его крестного знамения стихия утихла...

Житие преподобного Кирилла Белозерского, составленное в его обители, рассказывает о даровании князю Михаилу и его жене дара чадородия; о прозрении слепого; об исцелении тяжело больного боярина от святой воды, присланной из монастыря.

Скончался Кирилл Белозерский 9 июня 1427 года глубоким девяностолетним старцем. В обитель на Белое озеро он

пришел шестидесятилетним и подвизался в подвиге пустынножительства еще тридцать лет.

Если от преподобного Сергия не осталось ни строчки, то от Кирилла Белозерского до нас дошли его послания к князьям: московскому и удельным. По словам Г. П. Федотова, белозерский старец «с кротостью и простотой русской полукнижной речи внушает идеал справедливой и человеческой власти»⁶. Он просит князей о примирении и даже предлагает ввести изменения в делах управления государством, говорит о неподкупном суде, об отмене корчемничества и таможен, наказании «татей»... По мнению того же Г. П. Федотова, преподобному Кириллу присуща «твердая, хотя и кроткая независимость к сильным мира сего».

После смерти преподобного завет святого старца о нестяжании был нарушен, и монастырь быстро стал крупным земельным собственником, соперничающим с Троицкой обителью. Однако общежитие и строгая уставная жизнь сохранялись, и в XV—XVI веках, когда Сергиева обитель уже находилась в некотором упадке, Кирилло-Белозерский монастырь являлся «центром излучения живой святости»⁷.

Еще при жизни Кирилла Белозерского вокруг его обители было основано много малых пустынь, насельники которых питались тем духовным огнем, который принес в эти края Кирилл, как живой продолжатель традиции св. Сергия Радонежского.

К сожалению, ни в летописных первоисточниках, ни в житиях святых не сохранилось никаких сведений о встречах преподобного Кирилла Белозерского с тем, кто написал его «портрет» преподобным Дионисием Глушицким, вологодским чудотворцем, игуменом и основателем Покровского Глушицкого монастыря. О сем святом известно, что родился он недалеко от Вологды, жил в одно время с Кириллом, а скончался на десять лет позже, в 1417 году 1 июня, в каковой день и совершает церковь память его⁸.

В миру Дионисий звался Димитрием, пострижен был в Спасокаменном монастыре, что на Кубанском озере, игуменом Дионисием Святогорцем, который впоследствии стал Ростовским архиепископом. Житие преподобного было написано через пятьдесят восемь лет после его кончины иноком Иринархом, подвизавшимся в том же Покровском Глушицком монастыре, и начинается оно словами: «Полагая несправедливым утаивать в молчании то, что способно принести пользу слушающим, и боясь подвергнуться, как раб, закопав-

ший в землю талант, осуждению и смерти, опасаясь за послушание, я изо всех сил постарался разузнать о преподобном Дионисии, о его трудах и хождениях, и мне рассказали о нем отцы мои, многие лета жившие со святым, ...долго наблюдавшие его жизнь, а сверх того и о чудесах, происходивших у гроба святого...»⁹.

Однако сведений было собрано не так уж и много: «Я очень старался разыскать сведения о рождении и детстве святого, но не смог найти ничего, все оказалось позабытым»¹⁰. Однако остались в памяти дела святого, основавшего три монастыря и построившего несколько церквей. Не забылось также, что «своими руками делал он работу живописца, писал иконы, и как кузнец работал, и рипиды изготовлял, ... всем подавая образец смирения и терпения». Девять лет пробыл инок Дионисий в Спасокаменном монастыре, а потом, получив благословение святого игумена, отправился с братом своим, преподобным Пахомием, искать спокойное место, где можно было бы «поработать Богу».

На берегу Кубанского озера, около деревни, называемой Святая Лука, где ранее находился общежительный монастырь, Дионисий с братом остановились. Построили маленькую келейку, чтобы было где отдыхать от трудов, потом возвели церковь во имя Николая Угодника и освятили ее в 1393 году. «И начал преподобный совершать подвиги, изнуря свое тело постом, жаждой и трудами, хлеб принимая единожды в день, и воду пия помалу,— пишет инок Ирнарх.— И потому узнали люди о его величии, и стали все его восхвалять. Он же, ненавидя славу от людей, почитал ее за грех и стыд, и возымел желание бежать от славы; предпочтя работать Богу в пустыни»¹².

Устремился Дионисий в леса, в непроходимые болота и дебри, и там на речке Глушице усмотрел подходящее место. Свою маленькую келейку поставил около большого дерева черемухи, которая долго еще находилась внутри, когда образовался монастырь. «Кто может поведать, сколько этот добрый муж усердия проявил и как много напастей от бесов претерпел!— восклицает создатель «Жития».— Труды его, хождения и поты, пролитые ради создания монастыря, неисчислимы. Своими руками он делал все необходимое для монастыря»¹³.

Узнав о пустынножителе, стали приходиться к нему по одному, по два, а то и по три человека. Оставались с ним, чтобы вместе спастись и создавать обитель. Постепенно выросла церковь во имя пресвятой Богородицы в честь славного Ее

Покрова, построили трапезную, кельи и все, что необходимо братии.

И вот уж перестали иноки помещаться в малой церкви. Тогда в 1412 году возвели в обители большой каменный Богородичный храм в честь Покрова и «чудесно украсили иконами и словами святых отцов»¹⁴.

Вырос, расширился Покровский монастырь, стал Дионисий игуменом, завел строгие общежительные порядки, «чтобы никто ничего потребного не держал у себя и не звал ничто своим, но чтобы все было общим»¹⁵. Пост, молитва, смирение во всем и любовь нелицемерная — вот что проповедовал блаженный игумен, сам обретя кротость великую, воздержание истинное и терпение ангельское.

Однако «много людей к нему приходило и безмолвие его нарушало, он огорчался и помышлял наедине с собой безмолвствовать»¹⁶. Решил преподобный уйти на юг от большого монастыря, устремился он в пустынь где были только болота непроходимые да чаща со звериными тропами. На самом берегу той же речки Глушицы обнаружил Дионисий очень красивое возвышенное место, на котором росла сосна. Остался он здесь, назвал местечко Сосковец и начал сызнова налаживать житье в убогой келье. Иногда тайно приходил преподобный в Покровский Глушицкий монастырь, и однажды был замечен братией. Иноки умоляли Дионисия остаться с ними, но сказал преподобный, что в новой пустыни поставит он церковь, и в том месте, весьма полюбившемся ему, пусть будет потом положено его тело.

Взяв благословение у Ростовского епископа Дионисия, начали строить храм и освятили его в 1420 году во имя святого Иоанна, Крестителя Господня. Дионисий «заповедал новой обители не иметь особого настоятеля, но быть под общим управлением Покровского монастыря, называвшегося уже тогда по многочисленности братства лавроу, и от оной получать свое содержание»¹⁷.

Кроме названных обителей, создал еще преподобный в двух верстах к северу от Покровского монастыря церковь во имя святого Леонтия, епископа Ростовского, и при ней устроил инокиням место для пребывания. Другую церковь возвел в восемнадцати верстах от Глушицкой лавры, вниз по реке Глушице, близ большой реки Суховы, во имя Воскресения Господа Иисуса Христа и украсил ее иконами. Вероятно, были среди них и написанные самим Дионисием, как были подобные и в другой церкви — во имя святителя Николая, которую соорудил преподобный по просьбе людей из села Двинцы.

За семь лет до своей кончины приготовил себе Дионисий могилу в Сосновецкой Предтеченской пустыни и завещал погребсти себя здесь. Говорил преподобный: «Если тело мое не будет положено здесь, тогда люди не станут здесь жить, потому что места эти пустынно и трудны для житья. Если же будет положено, тогда Бога ради не должны будут презирать они ни место это, ни меня»¹⁸.

По словам преподобного все и произошло. После кончины был он похоронен в церкви Иоанна Предтечи в Сосновецком монастыре. Рака Дионисия стояла посреди храма рядом с ракой сотоварища его преподобного Амфилохия, и при ней находилось несколько редких икон работы глушицкого святого. Как уже говорилось, преподобный любил упражняться в иконописи и резьбе и снабжал образами святых построенные им храмы.

Прожил Дионисий Глушицкий 74 года и шесть месяцев. Инок Иринарху еще удалось застать в монастыре тех, кто видел преподобного и общался с ним. И записал Иринарх в «Житии» о глушицком игумене: «Внешне он был телом мал и излишне сух, а голову имел немалую, брови округлые, лицо длинное, щеки впалые, глаза спокойные. Борода у него была до груди, не густая, тонкая. Волосы светло-русые, наполовину седые¹⁹. Не правда ли, это описание весьма похоже на тот «портрет»-икону Кирилла Белозерского, который создал глушицкий игумен...

Небольшая иконка преподобного Кирилла издавна привлекала к себе внимание специалистов в области древнерусской церковной живописи. В 1918 году в Москве при Народном комиссариате по просвещению РСФСР была создана специальная комиссия, которую возглавлял И. Э. Грабарь. Комиссия занималась поисками и реставрацией древнейших и наиболее известных произведений древнерусского искусства, упоминаемых в русских летописях или имеющих легенды, уводящие в глубину веков. Сначала комиссия работала в Москве, Звенигороде, Троице-Сергиевой лавре, потом — во Владимире, где началась расчистка фресок XII и XV веков в Димитриевском и Успенском соборах²⁰.

Фактическим заместителем И. Э. Грабаря по реставрационно-теоретическим и научным вопросам с 1918 по 1930 год был А. И. Анисимов, большой знаток, ценитель и специалист в области древнерусской живописи. Энергичный ученый снарядил небольшую экспедицию в Кирилло-Белозерский монастырь, где уже в 1910 и 1911 годах им были проведены проб-

ные обследования древних икон. В состав экспедиции 1918 года был включен и опытный реставратор П. И. Юкин. Он должен был раскрыть большую икону «Успение Богоматери», которая приписывалась местными преданиями кисти Андрея Рублева. В трудных условиях, в осенние холода с бесконечными дождями, в тяготах гражданской войны экспедиция сумела в короткий срок раскрыть большую икону «Успение», которая оказалась написанной в конце XV века, и сделала многочисленные пробные расчистки в Кириллове, Ферапонтове, Горицах и Белозерске. В число икон, привлекавших особое внимание, входила и «примечательнейшая» икона Кирилла Белозерского, написанная в 1424 году и приписывавшаяся Дионисию Глушицкому.

«...Надо сознаться,— писал Л. И. Анисимов И. Э. Грабарю,— что вещь эта, хотя и маленькая, но интереса совершенно исключительного. Если я не увлекаюсь, она носит на себе черты чего-то на самом деле наблюденного в действительности, удивительна по живописи и глубоко характерна по своей подлинной древности». И чуть позже прибавлял: «Кирилл» Дионисия Глушицкого, уже совершенно законченный, оказался подлинным портретом. В истории русской живописи это — открытие первостепенной важности»²¹.

Под впечатлением от этой маленькой иконы А. И. Анисимов начал статью о ней, которую закончил позже, вернувшись из экспедиции. Однако 1918—1919 годы не очень-то способствовали изучению древнерусской живописи и публикации статей о ней. Заметки А. И. Анисимова затерялись, и только специалисты помнили о статье ученого, который заведовал отделом церковных древностей в Историческом музее Москвы и состоял действительным членом Московского института искусствознания и археологии. В июне 1926 года на заседании секции искусствознания этого института А. И. Анисимовым был прочитан доклад «Иконизация Кирилла Белозерского», однако сам текст после высылки ученого из Москвы и его кончины не был найден. Он обнаружен современным искусствоведом Г. И. Вздорновым и опубликован в конце восьмидесятых годов прошлого века в сборнике «Памятники культуры. Новые открытия. 1987».

«Интересная тема портрета в искусстве Древней Руси,— пишет Г. И. Вздорнов в предисловии к публикации,— и проблема превращения портрета в икону (иконизация) трактованы в ней так сжато и вместе с тем так содержательно, что это в полной мере оправдывает печатание статьи 1918 г. через семьдесят лет после ее написания»²².

В своей статье А. И. Анисимов касается экспедиции 1918 года, когда была проведена первая расчистка иконы Кирилла Белозерского. Образ помещался на южной стене каменной перемычки, которая соединяла Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря с церковью преподобного Кирилла и в которой находилась гробница основателя северной обители. Видимо, и особое углубление, и деревянный киот были сделаны специально для этой иконы. Киот закрывался двумя створками, и нижнее клеймо правой створки изображало Дионисия Глушицкого, пишущего портрет стоящего перед ним Кирилла Белозерского. Надпись поясняла: «Преподобный Дионисий написал... с/вя/таго Кирила зря на с/вя/таго». Портрет изображен уже готовым, но Дионисий продолжает сидеть, держа кисть в руке.

...Дабы не пересказывать краткие и емкие слова известного искусствоведа, приведу описание, данное А. И. Анисимовым.

«Кирилл в желтом подряснике и темной коричнево-красной фелони с темно-зеленою эпитрахилью и схимой. Левая рука его, согнутая в локте, остается под фелонью, правая освобождена и приподнята. Фон портрета золотой, надпись (остатки) — киноварная, широкая полоса земли — зеленого санкиря. По верхнему и нижнему краям киота идет вырезанная в дереве вязью надпись, начинающаяся на левой боковой стенке киота и кончающаяся на правой. Верхняя линия текста надписи говорит об иконе, помещающейся в киоте: «образ чудотворца Кирилл списан преподобным Дионисием Глушицким еще живу сущу чудотворцу Кириллу в лето 6932 [1424]». Нижняя часть надписи сообщает дату киота: «сделан сий киот в дом Пречистыя и чудотворца Кирилла в лето 7122 [1614] г(о)да по благословению игумена Матфея в славу Богу...»²³.

Изготовление киота и оклада, сделанных одновременно, в 1614 году, сопровождалось изменением внешнего облика иконы. Она была опилена со всех четырех сторон и вделана в новую деревянную раму, так как доска от времени выгнулась. Ее стесали сзади с обеих продольных сторон, а потемневшую живопись переписали. И уж после этого на доску драгоценный оклад из чеканных пластин серебра — для полей и золота — для средника. Однако красочная основа не была повреждена. Очень часто перед наложением новых красок старые мыли, счищали пемзой, так что оставалась только тень прежней живописи. Здесь же тонким слоем новые краски нанесли на старую потемневшую олифу. Когда при

реставрации 1918 года сняли старую олифу, оказалось, что и до 1614 года, икона-портрет подвергалась чинке, ибо имела существенные утраты.

Прошу прощения у читателя за длинную цитату, но кто лучше искусствовед, руководившего работой по раскрытию памятника, сможет рассказать о том, как стала выглядеть эта по-своему уникальная небольшая доска, когда закончилась ее реставрация?

«Фон иконы, покрытый блестящим полированным золотом, испещрен царапинами и пятнами, образовавшимися вследствие удаления с иконы древнего ее оклада — вероятно, бесценного — и укрепления на ней нового в 1614 году. Святой изображен стоящим на узкой полосе земли грязноватого, мазками набросанного, оливково-санкирного тона, по которой раскиданы травы бледно-зеленоватого и почти белого цвета. Рисунок трав весьма примитивен и лишен какой-либо определенной, заранее принятой формы. Фигура Кирилла поставлена прямо, лицом к зрителю. Левая нога как бы слегка отставлена в сторону и согнута в колене, что явствует и из направления складок нижней одежды. Однако, изображенная хотя и без движения, фигура настолько отодвинута влево от центральной оси, что получает ясно выраженный характер кривобокости. Это впечатление усиливается еще тем, что художник не сумел правильно передать изгиб согнутой в локте левой руки: скрыв всю ее под одеждой, он так низко опустил ее локоть, что забыл уже отставить его в сторону, отчего неизбежно должно было получиться впечатлительные кривобокости для всей фигуры, если бы даже он вообще не отодвинул ее влево от основной оси. Большая голова глубоко ушла в плечи, что сообщает фигуре характер сутуловатости и сгорбленности, тем более что высота ее весьма незначительна (5 голов). Серые волосы, набегающие негустыми прядями с висков, открывают громадный, мощный, широкий лоб, изборожденный старческими морщинами. Седеющие брови нависли над острыми черными глазами, глядящими из глубоких впадин. Недлинный нос широко раздается у ноздрей. Серые усы, слегка открывающие губы, и седая борода свисают неровными и небрежными космочками. Кирилл одет в коричневые одноцветные одежды, различающиеся только в тоне: верхняя — более темная, нижняя — более светлая. Обе одежды, как и темно-зеленая эпитрахиль, свисают мягкими, легко намеченными складками, показывающими, что скромный наряд подвижника сшит из незатейливого крашенного холста. Правую рукою со сложенными пальцами преподобный придерживает свернутый свиток, который находится у

него в левой, скрытой под одеждой руке. В позе фигуры, в расположении ее одежд нет ничего нарочитого.

В средней части верхнего поля, над самой головой святого, помещена древняя ярко-киноварная надпись «Кирилл», последняя буква которой утрачена. Левее ее, уже по той олифе, которой была покрыта древняя надпись, прибавлены другою краской и другою рукой слова «о агиос преподобный». Надо думать, что это добавление надписи было сделано одновременно с теми вставками на лице, фоне и земле, о которых я говорил выше и которые предшествовали реставрации 1614 года, и было вызвано церковным прославлением имени угодника Божьего. После официальной канонизации было уже неудобно видеть на челе иконы простое житейское обозначение имени того, кто был когда-то просто «Кириллом», а теперь стал прославленным святым, почитаемым особо, не в пример прочим многочисленным подвижникам русской церкви²⁴.

Устные предания, древние описи монастыря, надпись на киоте 1614 года — все свидетельствовало о том, что Дионисий Глушицкий незадолго до кончины престарелого Кирилла Белозерского написал его портрет, и это само по себе, независимо от художественных достоинств произведения, имело огромное значение и для изучения древнерусской живописи. Однако было отмечено, что вокруг головы преподобного Кирилла имеются две плохо заметные тонкие линии, что свидетельствовало о том, что Кирилл должен быть изображен с нимбом, как канонизированный святой. Такого при жизни преподобного не могло быть. Эти две тонкие прочерченные линии и сейчас вносят смятение в души специалистов по древнерусской живописи, заставляют сомневаться в том, что икона преподобного Кирилла Белозерского написана при его жизни. Высказываются разные предположения: одни говорят, что икона-портрет писан по воспоминаниям, после канонизации Кирилла, другие отмечают, что в древней живописи нимб мог писаться вокруг головы простых смертных, если иконописец хотел подчеркнуть их значительность и высокое место в окружающей жизни.

Автор публикации статьи А. И. Анисимова искусствовед Г. И. Вздорнов высказывает несколько предположений насчет этой смущающей некоторых детали: «Обычно какой-либо местно чтимый святой, имевший «перспективу» на последующую официальную канонизацию, изображался вскоре после его кончины, когда еще были живы его современники, умевшие описать или даже запечатлеть характерные черты его внешности. Случались, однако, и другие ситуации, когда

преданный человек, заботившийся о посмертной славе святого, заказывал его прижизненный «портрет» как эскиз будущей иконы. Но делалось это втайне от изображаемого лица». Не исключено, что в случае с Кириллом Белозерским мы имеем похожую ситуацию.

Облик белозерского игумена на иконах, шитых пеленах XV—XVI веков, часто наделен теми чертами, которые мы видим на иконе-портрете Дионисия Глушицкого. Со временем черты святого Кирилла меняются, и уже в XVI веке появляются традиционные иконы, где маленький сухой старец с большой головой становится похож на других святых, в частности, на Сергия Радонежского. «Очевидно,— поясняет А. И. Анисимов,— скромный, непритязательный облик великого северного подвижника, пользовавшегося исключительным почитанием в старой Руси, не уживался с высоким, идеализированным представлением о нем, жившим среди верующих. Внутреннему благородству, нравственной высоте должно было соответствовать и внешнее благообразие: нарочитая привлекательность лика, величавость и изящество позы, декоративная драпировка одежд»²⁵.

Но какова бы ни была история создания иконы-портрета преподобного Кирилла Белозерского, как бы ни спорили вокруг этой маленькой доски искусствоведы, какие бы мнения ни высказывались относительно авторства Дионисия Глушицкого, древняя точка зрения остается преобладающей. Имена двух северных игуменов крепко связаны между собой в истории и преданиях. И даже предполагаемое авторство преподобного Дионисия Глушицкого ставит его имя в число немногих известных мастеров древнерусской живописи.